

*Тем, у кого нет иного выбора,
кране как готовить своих детей
для поля боя*

1

Нэссун, на скалах

Хмм. Нет. Я неправильно рассказываю. В конце концов, личность определяется как ею самой, так и окружением. Окончательно образ разумного существа вычеканивают взаимоотношения. Я есть и я, и ты. Дамайя была собой и семьей, которая отвергла ее, и жителями Эпицентра, отшлифовавшими ее до мелочей. Сиенит была Алебастром и Инноном, и народом несчастных погибших Аллии и Миова. Теперь ты Тиримо и осыпанные пеплом бредущие по дороге странники, и твои мертвые дети... и то, последнее дитя, что осталось в живых. Та, которую ты вернешь.

Это не спойлер. В конце концов, ты Иссун. Ты знаешь это заранее. Разве не так?

Значит, следующая — Нэссун. Нэссун, которой к концу мира всего восемь лет.

Неизвестно, что происходило в маленькой голове Нэссун, когда она однажды днем вернулась с учебы домой и увидела, что ее младший братик мертв, а над его трупиком стоит отец. Мы можем лишь предположить, что она подумала, почувствовала, сделала. Но знать мы не можем. Может, и к лучшему.

Но есть одно, что я знаю точно, — я ведь упомянул об учебе?

Нэссун обучалась на лориста.

У Спокойствия странные отношения со своими самопровозглашенными хранителями предания Камня. Есть записи, что лористы существовали еще в пору пресловутой Зимы Скорлупы. Это то самое Пятое время года, когда выброс какого-то газа привел к тому, что все дети, рождавшиеся в Арктике в течение нескольких лет, имели хрупкие кости, ломавшиеся от прикосновения и гнибавшиеся, когда они вырастали — если они вырастали.

(Юменесские археоместы веками спорили по поводу того, вызвано ли это было стронцием или мышьяком и считать ли это Пятым временем года при том, что пострадали всего лишь несколько сотен тысяч слабых, бледных малорослых варваров северной тундры. Именно тогда жители Арктики заслужили свою репутацию слабаков.) Это было около двадцати пяти тысяч лет назад, согласно самим лористам, что большинство людей считает неприкрытым враньем. На самом деле лористы — самая древняя форма жизни в Спокойствии. Просто двадцать пять тысяч лет назад их роль была извращена практически до бесполезности.

Они все еще существуют, хотя уже и забыли, как много они забыли. Каким-то образом их орден, если это можно назвать орденом, выжил, несмотря на то что университеты от Первого до Седьмого считают их работу апокрифической и, вероятно, неточной, несмотря на то что правительства во все века своей пропагандой унижают их знания. И несмотря на Зимы, конечно. Некогда лористы происходили только из расы регво — западных побережников с землисто-красной кожей и черными от природы губами, поклонявшиеся сохранению истории так, как люди в менее суровые времена поклонялись богам. Они высекали Предание камня на склонах гор на табличках под самыми небесами, чтобы все видели мудрость, необходимую для выживания. Увы, в Спокойствии горы рушатся так же легко, как малыш-ороген впадает в гнев. Уничтожить целый народ лишь чуть затратнее.

Итак, лористы больше не из регво, но большинство их красят губы черным в память о регво. Да они уже и не помнят почему. Лориста сейчас узнают вот как: по черным губам, стопке пластиковых табличек и убогой одежде, которую они предпочитают носить, а еще потому, что они, как правило, не имеют общинного имени. Они, видишь ли, не неприкаянные. В теории они могут вернуться в родную общину в случае Зимы, хотя из-за своей профессии они обычно уходят так далеко, что возвращаться нет смысла. На деле многие общины принимают их даже во время Зимы, поскольку даже самым стойким общинам хочется развлечений в холодные длинные ночи. Для этого лористы обучаются искусствам — музыке, комедии, вот этому всему. Они также умеют обучать малышей и ухаживать за ними, когда больше некому это поручить, и, что еще важнее, служат живым напоминанием того, что в прошлом люди и худшее переживали. Каждой общине такое нужно.

Лорист, пришедшая в Тиримо, носит имя Ренфри Лорист Камень. (Все лористы берут общинное имя Камень и функционал-имя Лорист, одной из редчайших функционал-каст.) Роль у нее небольшая, но есть причина, по которой вам следует о ней узнать. Некогда она была Ренфри Селект Тентик, но это было до того, как она влюбилась в лориста, заглянувшего в Тентик и соблазнившего молодую тогда женщину, после чего она забросила скучную жизнь стеклокова.

Ее жизнь стала бы чуть более интересной, если бы Зима настала до ее ухода, поскольку обязанности Селекта в эту пору ясны — возможно, это тоже заставило ее уйти. Или, возможно, это было просто безумие юношеской влюбленности? Трудно сказать. Любовник-лорист Ренфри в конце концов бросил ее в пригороде экваториального города Пенфен с разбитым сердцем и головой, забитой Преданием, а также кошельком, наполненным колотым нефритом, кабошонами и одним перламутровым ромбиком с подковообразным пятном.

Ренфри купила за перламутр собственный комплект табличек у резчика, отдала осколки нефрита за дорожные припасы и постоит на несколько дней в гостинице, пока резчик не закончит, а кабошоны потратила на крепкое пойло в таверне. Затем, подлатав раны и снарядившись, она пустилась в путь. Так продолжается их ремесло.

Когда Нэссун появляется на путевой станции, где Ренфри устроила свою лавку, возможно, та подумывает — не взять ли себе ученицу? (Дело не в соблазне — Ренфри предпочитает женщин постарше — подчеркиваю, женщин. Просто глупые мечты.) За день до того Ренфри прошла через Тиримо, скупилась на рынке, весело улыбаясь своими черными губами, чтобы продемонстрировать свое присутствие в окрестностях. Она не видела Нэссун, которая возвращалась домой из школы и остановилась, воззрившись на нее во внезапном, иррациональном порыве надежды.

Нэссун сегодня пропустила школу, чтобы найти ее и принести подношение. Это традиция — подношение, в смысле, а не то чтобы дочь учительницы пропускала школу. Двое взрослых из города уже сидят в дорожном доме на скамье и слушают Ренфри, и ее чаша для подношений уже полна яркими осколками с клеймом квартента. Ренфри моргает от удивления при виде Нэссун: нескладная девочка, у которой больше ног, чем тела, глаз больше, чем лица, и которая явно слишком мала, чтобы покинуть школу так рано, поскольку сейчас не время сбора урожая.

Нэссун останавливается на пороге, переводя дыхание, так что явление ее весьма картинно. Два других посетителя оборачиваются к ней, глядя на обычно тихую дочку-первенца Джиджи, и лишь их присутствие не дает Нэссун с порога выпалить свое желание. Мать научила ее вести себя очень осмотрительно. (Ее мать узнает о том, что она прогуляла школу, но Нэссун все равно.) Она, однако, сглатывает и тут же подходит к Ренфри, чтобы что-то дать ей: темный кусок камня, в котором можно увидеть крохотный, почти кубический алмаз.

У Нэссун нет денег, кроме карманных, понимаешь ли, и она уже потратила их на книги и сладости, когда пришла весть, что в городок пришла лорист. Но никто в Тиримо не знает, что в окрестностях есть перспективные алмазные копи — за исключением орогенов.

Да и то если те поищут. И лишь Нэссун заглянула туда за несколько тысяч лет. Она понимает, что ей не следовало находить этот алмаз. Мать учила ее не демонстрировать своей орогении и не использовать ее вне пределов тщательно определенных часов практики, которую они проводили в долине по соседству каждые несколько недель. Никто не использует алмазы в качестве валюты, поскольку их трудно расколоть, но они используются в промышленности, горном деле и так далее. Нэссун знает, что они имеют ценность, но она понятия не имеет, что красивый камушек, который она только что отдала Ренфри, стоит пару домов. Ей всего восемь лет.

И Нэссун так возбуждена, когда видит, как расширяются глаза Ренфри при виде блестящего кусочка в черном камне, что ей становится все равно, что тут есть еще другие люди, и она выдает:

— Я тоже хочу быть лористом!

Нэссун, конечно же, понятия не имеет, чем на самом деле занимаются лористы. Она просто знает, что очень-очень хочет покинуть Тиримо.

Потом я еще вернусь к этому.

Ренфри была бы душой, если бы отказалась от подношения — она и не отказалась. Но она не дает Нэссун ответа сразу отчасти потому, что считает Нэссун симпатичной, а ее заявление всего лишь минутным порывом ребенка. (Она в какой-то мере права; в прошлом месяце Нэссун хотела стать джинером.) Вместо этого она просит Нэссун сесть, а затем остаток дня рассказывает своей маленькой аудитории всякие истории, пока солнце не начинает отбрасывать длинные тени на склоны долины и сквозь стволы деревьев. Когда два остальных посетителя встают, что-

бы идти домой, они смотрят на Нэссун и делают намеки, пока та неохотно не уходит с ними, поскольку жителям Тиримо не хочется, чтобы говорили, будто бы они непочтительны к лористу, оставив при ней ребенка, который весь вечер будет донимать ее своей болтовней.

Когда посетители уходят, Ренфри разводит костер и начинает готовить себе ужин из куска свиной подбрюшины, зелени и кукурузной крупы, которую купила вчера в Тиримо. Пока еда готовится, она грызет яблоко и зачарованно вертит в руках камушек Нэссун. И она встревожена.

Утром она идет в Тиримо. Несколько осторожных вопросов выводят ее на дом Нэссун. К тому времени Иссун уже ушла вести урок в последнем классе в ее карьере школьного учителя. Нэссун тоже уходит в школу, хотя просто убивает время, пока ей не удастся удрать во время обеда и снова найти лориста. Джиджа в своей «мастерской», как он называет подобие подвала, где весь день работает над заказами своими шумными инструментами. Уже спит на соломенном тюфячке в том же помещении. Он может спать в любой обстановке. Песни земли всегда были его колыбельной.

Джиджа подходит к дверям, когда Ренфри стучит, и на миг она даже чуть пугается. Джиджа — срединник смешанных кровей, как и Иссун, хотя в предках у него больше крови санзе; он крупный, смуглый, мускулистый и бритый наголо. Пугающий. Однако его приветственная улыбка вполне искренняя, и у Ренфри, уже решившей, что делать, отлегает от сердца. Это добрый человек. Она не может обманывать его.

— Вот, — говорит она, протягивая ему камень с алмазом. Она ни в коем разе не может взять такой ценности у ребенка в обмен на несколько историй и ученичество, тем более что Нэссун за несколько месяцев может и передумать. Джиджа хмурится в замешательстве и берет камушек, рассыпаясь в благодарностях после ее объяснений. Он обещает рассказать о благородстве и честности Ренфри всем, кому сможет, что может дать ей больше возмож-

ностей показать свое искусство прежде, чем она покинет город.

Ренфри уходит, и больше в этой истории о ней речи не будет. Но это важная часть, потому я тебе о ней и рассказываю.

Понимаешь ли, ничто не могло настроить Джиджу против сына. Просто в течение многих лет он подмечал некоторые странности в поведении жены и детей, что зародило в глубине его души подозрения. Эти подозрения превратились в какой-то зуд, затем, к тому моменту, когда начинается наша повесть, они стали его раздражать, но отрицание не позволяло ему дальше думать об этом. В конце концов, он любил свою семью, а правда была просто... немислима.

В буквальном смысле.

В конце концов он узнал бы о ней так или иначе. Повторяю: *в конце концов он узнал бы*. Некого винить, кроме него самого.

Но если тебе нужно простое объяснение, то если что и стало переломным событием, той соломинкой, что переломила спину верблюду, экструзивным бисмалитом на лавовой трубке... это был тот самый камушек. Поскольку Джиджа, понимаешь ли, знал этот камень. Он был великолепным резчиком. Он знал камень, он знал Тиримо и знал о жилах магматических пород древнего вулкана, что тянутся везде по округе. Большинство их не выходило на поверхность, но вполне возможно, что Нэссун могла случайно найти алмаз в породе там, где и любой другой мог его подобрать. Маловероятно. Но возможно.

Эта мысль плавает на поверхности в мозгу Джиджи весь день после того, как Ренфри уходит. И под этой поверхностью истина, левиафан, готовый вынырнуть, но пока воды его разума спокойны. Отрицание — сильная штука.

Но тут просыпается Уке. Джиджа ведет его в дом, спрашивает, не голоден ли он; Уке говорит, что нет. Затем он улыбается Джидже и с безошибочной чувствительностью

ребенка — мощного орогена показывает на карман Джиджи и говорит:

— А тѐ тутъ блеснит, па?

Его шепелявые младенческие слова так милы. Но знание, которым он обладает, поскольку камень и правда в кармане Джиджи и Уке никак не мог знать, что он там, обрекает его.

Нэссун не знает, что все началось с камня. Когда увидишь ее, не говори ей.

Когда днем Нэссун возвращается домой, Уке уже мертв. Джиджа стоит над его остывающим тельцем, тяжело дыша. Забить малыша насмерть — много ли надо? Но пока он убивал его, он слишком глубоко дышал. Когда Нэссун входит, в крови Джиджи все еще мало двуокиси углерода; у него кружится голова, его трясет, ему холодно. Он не в себе. Потому когда Нэссун резко появляется на пороге, глядя на зрелище, и медленно осознает, что именно она видит, Джиджа выкрикивает:

— Ты тоже?

Он крупный мужчина. Это громкий, резкий выкрик, и Нэссун подпрыгивает. Ее взгляд отрывается от тела Уке и устремляется на него, что спасает ей жизнь. У нее глаза серые, как у матери, но черты лица — как у Джиджи. Один лишь взгляд на нее выводит его из состояния первобытной паники.

Она говорит правду. Это помогает, поскольку ничему другому он не поверил бы.

— Да, — говорит она.

В тот момент она даже не по-настоящему напугана. Вид тела брата, отказ разума интерпретировать увиденное — все это затормозило ее восприятие. Она даже не уверена, о чем ее спрашивает Джиджа, поскольку понимание контекста его слов потребовало бы от нее осознать, что кулаки отца в крови и что ее братик не просто спит на полу. Она не может. Сейчас — нет. Но при отсутствии более связных мыслей и, как порой бывает с детьми в экс-

тремальных ситуациях, Нэссун... впадает в ступор. Ее пугает то, что она видит, хотя она и не понимает почему. И из двух родителей Нэссун всегда была ближе с Джиджей. Она его любимица: первенец, которого он и не ждал, с его чертами лица и его чувством юмора. Ей нравится его любимая еда. У него большие надежды на то, что она пойдет по его стопам в ремесле резчика.

Потому когда она начинает плакать, она сама не понимает почему. Мысли кружатся у нее в голове, сердце ее вопит, и она делает шаг к нему. Он крепче сжимает кулаки, но она не видит в нем угрозы. Он ее отец. Она хочет утешения.

— Папочка, — говорит она.

Джиджа вздрагивает. Моргает. Смотрит на нее, словно прежде никогда не видел. Осознает. Он не может ее убить. Даже если она... нет. Она его малышка. Она снова делает шаг вперед, тянется к нему. Он не может заставить себя попятиться, стоит на месте. Она хватается его за руку. Он стоит над телом Уке, и она не может схватить его за ту руку, какую хочет. Но она, однако, прижимается лицом к его бицепсу, такому утешительно крепкому. Она дрожит, и он чувствует ее слезы у себя на коже.

Он стоит, его дыхание постепенно успокаивается, а она плачет. Через некоторое время он полностью оборачивается к ней, и она обнимает его за пояс. Повернуться к ней — значит отвернуться от того, что он сделал с Уке. Это легко.

Он шепчет ей:

— Собери вещи. Так как если бы ты уехала на несколько ночей к бабушке. — Мать Джиджи снова вышла замуж несколько лет назад и теперь живет в Суме, городке в соседней долине, который вскоре будет полностью уничтожен.

— Мы поедem туда? — спрашивает Нэссун, уткнувшись ему в живот.

Он касается ее затылка. Он всегда так делает, и ей нравится. Когда она была грудничком, она гулила громче, когда он держал ее под головку в этом месте. Это потому, что в этом отделе мозга расположены сэссапины, и когда он